

4. Бабай, А. Н. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России / А. Н. Бабай, В. С. Тимошенко // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 6. – С. 30–33.

5. Морозов, А. Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания / А. Н. Морозов // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 100–110.

6. Султанов, И. Р. Воздействие международных интеграционных организаций на внутреннее право государств / И. Р. Султанов // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 129, 130.

УДК 342.731

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: РОССИЙСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

Исаева Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук

доцент кафедры конституционного и международного права
Юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, г. Томск

Публичная власть взаимодействует с институтами гражданского общества, в том числе с религиозными объединениями, хотя выстраивают они такие связи по-разному. Для практики государственного строительства важно, какова позиция институтов власти по отношению к религии. Это находит свое отражение в специфике источников правового регулирования статуса религиозных объединений, степени их влияния на общество и государство.

Одной из основ конституционного строя современных стран является характеристика государственно-церковных отношений. В зависимости от конституционного и фактического определения места и роли религиозных объединений в жизни той

или иной страны государства принято делить на теократические (Ватикан), клерикальные (Греция, Пакистан, Кувейт, ОАЭ, отдельные страны Европы, Латинской Америки и т. д.), светские (Турция, Франция) и атеистические (Северная Корея). При этом последние иногда рассматриваются как разновидность светских.

В Российской Федерации (далее – Россия, РФ) и Республике Беларусь, исходя из национальных, исторических, политических и других причин, выбор был сделан в пользу светской модели государственно-церковных отношений, что нашло свое закрепление в учредительных актах этих стран.

Статья 14 Конституции РФ закрепляет, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В то же время согласно ст. 4 Конституции Республики Беларусь идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан. Однако белорусской Конституции термин «светское» прямо не используется. Он единожды используется в Законе Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. от 22 декабря 2011 г.) (далее – Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях») применительно к сфере образования [1].

Однако мало конституционно провозгласить какой-то принцип. Светское государство характеризуется комплексом признаков, которые должны найти отражение в отраслевом законодательстве страны. В отношении некоторых из них в Российской Федерации можно констатировать, что они действительно соблюдаются. Например, государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов публичной власти и государственных учреждений (ч. 2 ст. 4 Федерального закона РФ от 26 октября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в ред. от 05.02.2018) [2] (далее – Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»), не могут создаваться политические партии по религиозному признаку (ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политиче-

ских партиях» (в ред. от 05.12.2017) [3]), отсутствуют распространяющие свою юрисдикцию на всех граждан религиозные суды (ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 05.02.2014) [4]), установлен запрет на легальное закрепление какой-либо религии в качестве государственной/официальной (ст. 14 Конституции РФ), не допускается дискриминация по религиозному признаку (ч. 4 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») и др.

В Республике Беларусь также можно констатировать реализацию ряда признаков светского государства. Например, согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» государство не возлагает на религиозные организации выполнения каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству Республики Беларусь. В Республике отсутствуют распространяющие свою юрисдикцию на всех граждан религиозные суды (ст. 5 Кодекса Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 139-З «О судостроительстве и статусе судей» [5]), установлен запрет на легальное закрепление какой-либо религии в качестве государственной/официальной (ст. 6 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях») и др.

Однако в отношении других признаков светского государства можно заключить, что они лишь провозглашаются в рассматриваемых странах, но не реализуются. Например, в России не полностью реализован принцип исключения из источников права религиозных догм и канонов. Напротив, в качестве одного из источников, регулирующих деятельность религиозных организаций, согласно ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признаются их внутренние установления. Сами религиозные организации обладают правоспособностью, предусмотренной в их уставах. Имеет место публичное обсуждение религиозных вопросов, в том числе и в рамках государственных органов. Религия проникает в различные сферы общественной жизни, из которых в советский период она была вытеснена (образование, вооруженные силы, наука). Более того, в России реализуется протекционистская политика в отношении отдельных религиозных организаций. На федеральном уровне органы власти

лояльно относятся к Русской православной церкви (Московского патриархата), а на региональном уровне – к тем конфессиям, которые преимущественно исповедуются на территории субъекта РФ. Установлена система различного рода преференций: идеологических, связанных с созданием и регистрацией религиозных структур, материальных и др. [6, с. 32–39].

В Республике Беларусь в Конституции 1994 года ст. 16 прямо закрепляется, что взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. В преамбуле Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» закрепляется своего рода иерархия религий: признаются определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовная, культурная и историческая роль Римско-католической церкви на территории Беларуси; а также неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама. Для государства законом предусмотрена возможность строить свои взаимоотношения с религиозными объединениями путем заключения с ними соглашений в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь (ст. 8 указанного акта). Такое соглашение было заключено с Белорусской православной церковью [7, с. 7–10], где в ст. 1 этой организации гарантируется свобода внутренней организации, исполнения культовых обрядов и иных видов деятельности. Более того, государство оказывает спонсорскую помощь в реставрации и содержании объектов религиозного назначения, являющихся памятниками историко-культурного наследия Беларуси [8; 9; 10]. Заметим, что государственные контрольные органы, несмотря на содержание ст. 13 Закона Республики «О свободе совести и религиозных организациях», которая не позволяет иностранным гражданам руководить религиозной организацией, игнорируют тот факт, что митрополит Белорусской православной церкви не является гражданином этой Республики.

Более того, на отдельные правомочия свободы совести накладываются правовые ограничения. В России, например, резкое сужение с 2016 года [11, с. 27–45] возможности религиозным организациям свободно осуществлять миссионерскую

деятельность, введение уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих и т. д. [12, с. 37–42]. В Республике Беларусь, закреплена необходимость проведения религиозно-экспертной экспертизы для начала выпуска и распространения продукции религиозного содержания, а религиозные организации обязаны проходить процедуру государственной регистрации до начала своей деятельности.

Поэтому исследователи признают, что в рассматриваемых странах на фоне религиозной свободы и равенства религиозных организаций сложились партнерские отношения с отдельными религиями, в России – с Русской православной церковью (Московского патриархата) [13, с. 27–29], в Республике Беларусь – прежде всего с Белорусской православной церковью (экзархат Московского патриархата) [14, с. 53–69; 15]. Государство пытается вступить в диалог с отдельными религиозными структурами, а религия допускается в публично-правовую сферу. Государственные органы и церковь взаимодействуют друг с другом, совместно решают актуальные общественные проблемы (реабилитация наркозависимых, сиротство и пр.).

Более того, со временем может меняться сама модель государственно-церковных отношений, заложенная в учредительные акты государств. Конституционный принцип, устанавливающий светский характер государственно-церковных отношений, весьма либерален и исходит из необходимости отхода от широко пропагандируемого в советский период атеизма в качестве государственной идеологии и перехода к плюрализму и равенству всех религиозных структур.

В России вопросы места религиозных объединений в политической системе страны прошли поэтапную и тщательную разработку в рамках работы Конституционной комиссии и Конституционного совещания – органов, непосредственно разработавших текст российского Основного Закона [16, с. 8–11; 17, с. 68–80]. Были учтены различные мнения и пожелания, что в итоге привело к принятию достаточно прогрессивных норм, отвечающих внутринациональным интересам и соответствующих международным стандартам в данной области. Окончательный вариант ст. ст. 14 и 28 Конституции РФ был рассчитан на избежание возможных в будущем неточностей в правовом регулировании и охватывает возможно большее число жизненных ситуаций и вариантов.

Однако, как оказалось на практике, дальнейшее развитие отраслевого законодательства поставило под сомнение фактическую реализацию в России светской доктрины, а потому вопросы развития взаимоотношений государства и религиозных объединений продолжают оставаться дискуссионными среди ученых и правоприменителей [18, с. 17; 19]. Уже 19 сентября 1997 г. на заседании Государственной Думы РФ председатель Думского комитета по делам общественных и религиозных организаций (и один из авторов Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») В. Зоркальцев выступал со следующим заявлением: «И все же я напому суть этого закона. Она состоит в том, что закон создает барьер на пути религиозной экспансии в Россию, препятствует развитию тоталитарных сект, ограничивает действие иностранных миссионеров и при всем этом создает условия для деятельности наших традиционных религий и конфессий» [20]. В итоге закон был принят, а дальнейшие его изменения направлены на ограничение индивидуальной и коллективной форм реализации свободы совести, все больший отход от модели разделения государства и религиозных объединений к их партнерским взаимоотношениям.

С 1997 года по настоящее время было принято 22 акта, изменяющих Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ряд поправок носит точечный технический характер и не затрагивает самой модели государственно-церковных отношений в России, другие меняют его концептуальный характер. В частности, Федеральным законом от 02.07.2013 [21] был ограничен перечень не только возможных учредителей, но и участников (членов) религиозных организаций, чем ограничивается гарантированное в Конституции 1993 года право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания. С 2015 года [22] была введена «двухуровневая система» (англ. two-tier system), которая действует в странах, где некоторые религиозные общины, в отличие от всех прочих, в силу исторических предпосылок более тесно сотрудничают с государством и получают от него дополнительную поддержку (Австрия, Венгрия). Религиозная организация может свободно зарегистрироваться и получить статус юридического лица с определенным объемом прав и обязанностей («нижний уровень»). Но «верхний», или «второй», уровень достижим только

при соблюдении ряда условий, например длительность существования в стране или количество последователей. Для России согласно ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» им стал десятилетний срок существования в стране со дня их государственной регистрации.

Федеральным законом в 2017 году [23] в России были введены нормы о миссионерской деятельности. В целом в России регулирование миссионерской деятельности допустимо и необходимо [24, с. 762–768], если оно преследует законные цели, что, впрочем, не было четко показано ни при разработке законопроекта, ни в ходе реализации его норм. Однако действующие в настоящий момент правила необходимо доработать, так как в них очевидны коллизии и недоработки, которые осложняют деятельность правоприменителей и религиозных объединений. Уточнению подлежит само понятие миссионерской деятельности с тем, чтобы разграничить ее с распространением гражданами своих личных религиозных убеждений.

В России сегодня сложилась ситуация, когда отраслевое законодательство и практика его применения деформирует принцип светского государства, закрепленный в Конституции 1993 года, что затрудняет дальнейшее прогрессивное общественно-политическое развитие и создает конфликтную ситуацию в обществе. С учетом тенденции возрастающей клерикализации в России возможны разные варианты развития ситуации. Необходимо либо менять понимание самого конституционного принципа светского государства и легально закреплять статус «традиционных» религий и религиозных организаций, как это имеет место, например, в таких странах, как Великобритания, Швеция, Греция, Дания, Норвегия. Другой и, как представляется, более приемлемый путь – сохранить без изменений основы конституционного строя и законодательно закрепить равный конституционно-правовой статус для каждой из коллективных форм реализации свободы совести. В этом случае государству следует стремиться к тому, чтобы все типы взаимодействия его и религии были открыты для все более широкого круга религиозных и мировоззренческих организаций и групп.

В Республике Беларусь иная ситуация. В этой стране отраслевое законодательство хоть и не лишено некоторых неточностей, но в целом реализует заложенную в Конституции 1994 года модель партнерских отношений с религиозными

организациями, когда учитываются их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций народа. Такая ситуация представляется более последовательной и отвечает национальным интересам.

Таким образом, конституционная модель государственно-церковных отношений может быть различной. От теократических государств с позитивной идентификацией (англ. Freedom from Irreligion), где имеет место союз и единство между государством и религией, до аболиционистских режимов с негативной идентификацией (англ. Freedom from Religion). В качестве промежуточных видов выделяются различные типы государственной нейтральности. Однако важно, чтобы конституционные ценности находили отклик в обществе и закреплялись в отраслевом законодательстве. К сожалению, сегодня в России, в отличие от практики Республики Беларусь, такого единства нет, что должно стать предметом реформирования. В противном случае нельзя говорить о строительстве подлинно правового демократического государства, как это декларируется в ст. 1 Конституции 1993 года, что в итоге приведет к разрушению государственности и дестабилизации гражданского мира.

В связи с этим в России необходимы коренные изменения действующего законодательства в сфере свободы совести, а также статуса религиозных объединений. Пересмотру должна подвергнуться легальная классификация коллективных форм отправления культа. Целесообразно создать равные возможности для деятельности религиозных объединений любой религии и исключить дифференцированный подход к верующим отдельных, особенно новых для России религий. Такие меры необходимы для формирования действительно светского государства прогрессивного в своем развитии.

Список использованных источников

1. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федер. закон Рос. Федерации от 26 окт. 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

3. О политических партиях : Федер. закон Рос. Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ : в ред. Закона от 05.12.2017 // РГ. – 2001. – № 133.

4. О судебной системе Российской Федерации : Федер. конституц. закон Рос. Федерации от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ : в ред. Закона от 05.02.2014 // РГ. – 1997. – № 3.

5. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

6. Исаева, А. А. Признаки светского государства в России: особенности реализации и перспективы развития / А. А. Исаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5. – С. 32–39.

7. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью : 12 июня 2003 г. // Сотрудничество государства и Белорусской православной церкви в Республике Беларусь : сб. документов / под. общ. ред. А. В. Бройко. – Минск : Центр православного просвещения прееподобной Ефросинии Полоцкой, 2004. – 176 с.

8. О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 июля 2005 г., № 300 : в ред. от 29.11.2013 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

9. О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи Свято-Елисаветинскому женскому монастырю в г. Минске Минской Епархии Белорусской православной церкви [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 янв. 2011 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

10. О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи местному религиозному объединению «Пинская епархия Белорусской православной церкви» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 авг. 2012 г.,

№ 735 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

11. Исаева, А. А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств / А. А. Исаева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 3 (118). – С. 27–45.

12. Исаева, А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека : сравнительно-правовой анализ / А. А. Исаева // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 37–42.

13. Со, А. А. Конституционно-правовой режим равенства религиозных объединений перед законом : современные проблемы и пути решения / А. А. Со // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 9. – С. 83–86.

14. Религиозные организации в общественном пространстве Беларуси и Украины: формирование механизмов партнерства / Н. Кутузова, Л. Филлипович [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 238 с.

15. Бакун, А. С. Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. – Минск, 2017. – 27 с.

16. Агафонова, А. А. Развитие концепции светского характера государства в проектах Конституции Российской Федерации (Конституционной комиссии и Конституционного совещания) / А. А. Агафонова // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 8–11.

17. Митюков, М. А. Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании / М. А. Митюкова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). – С. 68–80.

18. Бурьянов, С. А. Свобода совести. Отношения Российского государства с религиозными объединениями / С. А. Бурьянов // Закон и право. – 2003. – № 9. – С. 16–20.

19. Карпушкин, А. В. Конституционные основы и генезис взаимоотношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. В. Карпушкин ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2009. – 29 с.

20. Kimlya and Others v. Russia [Electronic resources] : Judgment, 1 October 2009 // The European Court of Human Rights. –

Applications nos. 76836/01, 32782/03. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94565>. – Date of access: 01.02.2019.

21. О внесении изменения в ст. 9 Федер. закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» : Федер. закон Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 180-ФЗ // РГ. – 2013. – № 145.

22. О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» : Федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ // РГ. – 2015. – № 154.

23. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» : Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // РГ. – 2016. – № 149.

24. Петюкова, О. Н. Проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в науке административного права на современном этапе / О. Н. Петюкова // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 762–768.

УДК 342.417

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Белых Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры конституционного права

Уральского государственного юридического университета

Россия, г. Екатеринбург

Принцип (от лат. *principium* – начало, основа) 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, политической организации; 2) внутреннее убеждение человека; 3) основа устройства или действия какого-либо прибора, машины [1, с. 960].